

Шэнь Цинжань так испугался, что Сюэ Фэйфэн его не найдет, если дельтаплан унесет слишком далеко, что принялся горстями сыпать семена — плоды белого гинкго вперемешку с зелеными бобами маша. Словно длинная белая лента извивалась в небе, с тихим шелестом барабана по листьям и распугивая целые стаи птиц.

Плоды гинкго бросались в глаза, а бобы маша служили опознавательным знаком. Сюэ Фэйфэн точно его найдет.

— Система?

— И не забудь начислить мне баллы.

Шэнь Цинжаню показалось, что Система в последнее время как-то подтормаживает, и он не на шутку встревожился:

— Когда я скажу «забирай», реагируй быстрее.

По его задумке, дельтаплан должен был плавно спланировать на какую-нибудь пустую поляну, и в двадцати сантиметрах от земли Система экстренно бы его отозвала, а он просто шлепнулся бы на мягкую траву, целый и невредимый.

— Поняла.

Дельтаплан летел всё ниже, едва не задевая верхушки деревьев. Шэнь Цинжань, у которого от такой высоты уже ноги подкашивались, глянул вниз и увидел сплошной густой лес, без единого просвета. Ноги подкосились окончательно.

Конец мне. Неужто на дереве повисну?

Не успел он об этом подумать, как ветер внезапно стих, дельтаплан замедлился и на полном ходу врезался в столетний баньян. Застрыв в ветвях, он замер, словно запутавшийся воздушный змей.

Шэнь Цинжань повис на дереве. Стоило ему шевельнуться, как дельтаплан угрожающе накренился. В панике он мертвой хваткой вцепился в ближайшую ветку.

— Системное предупреждение: дерево может не выдержать нагрузки. В случае падения дельтаплана вы не только подвергнете себя опасности, но и получите штрафные баллы за повреждение оборудования.

Что? Штрафные баллы!

Шэнь Цинжань вечно называл Систему скупердйкой, но сам-то был ничуть не лучше. Всё, что он обменивал, шло исключительно на дело. Он покупал для Сюэ Фэйфэна арбузы, но ни разу не потратил ни балла ради собственного удовольствия или наживы.

— Тогда забирай. — Шэнь Цинжань изо всех сил обхватил толстую ветку баньяна. Как только дельтаплан растворился в воздухе, он непроизвольно соскользнул чуть ниже и инстинктивно вцепился в ветку руками и ногами.

Вокруг щебетали птицы и стрекотали насекомые. На дельтаплане он перемахнул через несколько горных хребтов, но Сюэ Фэйфэн ведь не птица, по прямой не полетит. Ему придется продираться сквозь чащу, искать дорогу, так что времени на поиски уйдет немало.

Вечно висеть на дереве в ожидании спасения — не вариант.

А еще... он просто больше не мог держаться.

Шэнь Цинжань осторожно дотянулся до соседней развилки, перекинул туда ногу, крепко зацепился ступней, отпустил одну руку, ухватился за листья поближе к стволу и медленно перенес центр тяжести.

Широкий свадебный наряд стеснял движения, а богатая вышивка постоянно цеплялась за кору, так что просто стащить его с сухих веток не получалось.

С громким треском рукав разорвался, обнажив тонкую, изящную руку, которая на фоне зелени листьев и алого шелка казалась выточенной из белого нефрита.

А ведь этот наряд Сюэ Фэйфэн так тщательно выбирал, чтобы он был парным к его императорскому облачению!

Шэнь Цинжань с сожалением оторвал остатки разорванного рукава, затем скатал подол и заткнул за пояс. Если не обращать внимания на цвет одежды, он теперь выглядел как заправский деревенский паренек.

Когда он наконец спрыгнул с дерева, задний подол зацепился за ветку и порвался еще в одном месте.

Ну и ладно, сегодня всё равно уже не поженимся. Туда-сюда — уже и завтра наступит. Шэнь Цинжань, утешая себя, собрал обрывки свадебного наряда и прижал их к груди.

Всё-таки это первая свадьба, надо сохранить на память.

Соберу все кусочки — и за Сюэ Фэйфэна замуж выйду.

От одной этой мысли щеки Шэнь Цинжаня залил густой румянец.

А ведь я не то чтобы совсем не хотел жениться, — подумал он, коснувшись лица. И только сейчас осознал, что аллергия полностью прошла. В момент смертельной опасности он как-то позабыл о ней, и она исчезла так же быстро, как и появилась.

Он снова захотел замуж!

Шэнь Цинжань поджал губы, не в силах скрыть счастливую улыбку. Походка его стала легкой и пружинистой. Возвращаясь по своим же следам — оставленным плодам гинкго и бобам маша, — он продолжал разбрасывать семена.

Оставить след там, где пролетел, посеять семена там, где прошел — чем не пример трудолюбия, ума и отваги?

И что же это были за семена? Финики, арахис, лонган и семечки подсолнуха.

Он выложит из них дорожку прямо до самого Сюэ Фэйфэна и выйдет за него замуж!

Система деликатно намекнула:

— Вы с Сюэ Фэйфэном не можете иметь детей. Какое отношение к вам имеет пожелание «скорейшего рождения благородного наследника»?

(Прим. пер.: финики (цзао), арахис (шэн), лонган/гуйюань (гуй) и семена лотоса/подсолнуха (цзы) — традиционные свадебные пожелания в Китае: 早生贵子 (цзао шэн гуй цзы) — «скорейшего рождения благородного сына».)

Шэнь Цинжань споткнулся. Он-то знал, что на брачном ложе принято рассыпать эти плоды, но о скрытом смысле даже не догадывался.

Его лицо запылало от стыда:

— Т-тогда не буду. Заменю на бобы маша.

Маленький дух маша!

Прекрасное настроение не покидало его вплоть до начала дождя.

Горная гроза налетела внезапно: резкая, яростная. Шэнь Цинжань, прижимаясь к скале, понимал, что скоро вымокнет до нитки, как бродячий кот.

Озираясь по сторонам в поисках укрытия, он заметил у подножия скалы естественную пещеру. Три её стены были гладкими и ровными, без малейших следов искусственной обработки, но при этом словно высеченными по линейке. Если не считать занесенных ветром сухих листьев и веток, внутри было чисто.

Войдя внутрь, он обнаружил, что пещера не так проста. Слева находилась еще одна ниша, вход в которую был узким и неприметным, ровно на одного человека. В целом это напоминало природную «однушку».

Шквальный ветер заносил внутрь струи дождя, и вскоре передняя часть пещеры промокла. Первоначальный энтузиазм Шэнь Цинжаня дожидаться Сюэ Фэйфэна у входа быстро угас. Он забрался во внутреннюю нишу и прислонился к стене.

Что-то в сон клонит.

Сегодня он встал ни свет ни заря, а ведь в дни без полевых работ ранний подъем был для него сущей мукой. Но если бы он не встал, Сюэ Фэйфэн начал бы его целовать. Целовал бы до тех пор, пока он не проснется, да еще и приговаривал: «В такой радостный день можно и брачную ночь пораньше начать».

Бесстыдник.

Где он сейчас? Небось промок до нитки под таким-то ливнем? Нашел ли укрытие?

Шэнь Цинжань вдруг обратился к Системе:

— Можешь проверить, где сейчас те бобы маша, которые я рассыпал во дворце Юэхуа?

Сюэ Фэйфэн так быстро отыскал его у обрыва, значит, точно пошел по следу из зеленых бобов. И если он подобрал хоть парочку, а сейчас попал под дождь — условия для прорастания идеальные! Система сможет отследить их местоположение.

Система развернула карту. От дворца Юэхуа и вдоль потайного хода тянулись сотни точек данных, но взгляд Шэнь Цинжаня сразу зацепился за одну, которая постоянно обновляла координаты.

Один из бобов точно у Сюэ Фэйфэна!

Шэнь Цинжань следил за красной точкой, стремительно приближающейся к нему, со смешанными чувствами.

С одной стороны, было радостно, что муж спешит к нему. С другой — страшно. Раз он движется с такой скоростью под проливным дождем, значит, он не надел плащ из пальмовых листьев и не стал пережидать непогоду. Он промок насквозь — иначе бы боб не пророс.

— Я же никуда не убегу, зачем так гнать, — прошептал Шэнь Цинжань. Судя по скорости красной точки, Сюэ Фэйфэн будет здесь через пару часов.

Шэнь Цинжань колебался: пойти ли навстречу, чтобы сократить ему путь, или остаться в пещере? Взвесив все «за» и «против», он решил остаться. Ливень стоял стеной, видимость нулевая. Если он пойдет навстречу, споткнется, упадет или простудится — Сюэ Фэйфэн потом точно задницу ему надерет. Лучше переждать дождь.

Он начал клевать носом под монотонный шум ветра в кронах деревьев и стук дождя по камням. Опасаясь, что в пещеру заберется какой-нибудь хищник, он вызвал двух маламутов охранять вход.

Сюэ Цзиньфэн обожал этих собак, а Шэнь Цинжань в последнее время был так занят, что всё забывал написать Му Вэнькоу, чтобы тот вернул этих дуралеев с виллы.

Ну и ладно, еще парочку заведу.

Перед тем как броситься в погоню за Шэнь Цинжанем, Сюэ Фэйфэн, сохраняя хладнокровие, приказал Чан Баю собрать еду и сменный комплект одежды.

Вдруг жена проголодается? Вдруг упадет в реку?

С виду — образец рассудительного императора.

Но стоило ему получить желаемое, как он, сжимая в одной руке меч, а в другой корзинку с едой (ведь в горах верхом не проедешь), применил цингун и в мгновение ока оставил всю свиту позади.

Чан Бай и Чан Мин, надрываясь от усталости, могли лишь издали наблюдать удаляющуюся спину своего государя.

И где же та хваленая рассудительность?!

Плоды гинкго на земле служили отличным ориентиром, но местами из-за сложного рельефа след обрывался. Сюэ Фэйфэну приходилось делать крюк, чтобы снова найти зацепку.

Преодолев горный перевал, он столкнулся с резким ухудшением погоды. Небо затянуло черными тучами, Сюэ Фэйфэн сгорал от тревоги, опасаясь, что его «дух маша» мокнет под дождем, дрожа от холода и голода. В столице сейчас было еще тепло, но в глухом лесу с приходом дождя температура резко падала, и от одной только мысли об этом сердце сжималось от боли.

Пищевой контейнер был водонепроницаемым, так что Сюэ Фэйфэну было плевать на проливной дождь. Опавшие листья превратились в скользкую кашу, в которой ноги вязли по

щиколотку.

Но Сюэ Фэйфэн лишь прибавил ходу. Он панически боялся, что Шэнь Цинжань сейчас страдает именно в таких условиях.

Когда дождь прекратился и тучи рассеялись, уже стемнело. Сюэ Фэйфэн как раз проходил мимо пещеры, и цепочка из плодов гинкго тянулась дальше, вглубь леса. Он направился туда с пищевым контейнером, не заметив неприметный узкий лаз с другой стороны пещеры.

— Гав!

— Гав-гав!

Заметив проходящего мимо незнакомца, маламуты, как и подобает сторожевым псам, подняли лай. Две собачьи морды прижались друг к другу, таякая по очереди.

Сюэ Фэйфэн остановился и скосил глаза, узнав знакомую породу двух придурковатых псов.

Маламуты, увидев, как Сюэ Фэйфэн грозно надвигается на них, поджали хвосты, попятились и пулей влетели во внутреннюю нишу, принявшись отчаянно тыкаться носами в Шэнь Цинжаня.

Вставай скорее! Там какой-то злой мужик, кажется, он хочет убить собачек!

— Чего разлаялись... — Шэнь Цинжань протер глаза.

Изорванный свадебный наряд окончательно сбилсЯ после того, как собаки по нему потоптались. Он одернул ткань и вдруг увидел Сюэ Фэйфэна, стоящего прямо перед ним. С генерала ручьями стекала вода, а взгляд был подобен застывшему глубокому омуту, скрывающему всю безграничную нежность правителя империи.

Шэнь Цинжань слегка покраснел под этим взглядом. Сюэ Фэйфэн искал его под проливным дождем и шквальным ветром, а он в это время мирно спал в укрытии. Не сочтет ли Сюэ Фэйфэн его бессердечным?

— Ты... ты пришел... М-м-м!

Его затылок обхватила чья-то рука, и Шэнь Цинжаня с силой впечатали в каменную стену. Плечо больно ударилось о камень, а на губы обрушился яростный, как шторм, поцелуй.

Тяжелое дыхание и влажные звуки поцелуя раздавались у самого уха, многократно отражаясь от стен пещеры и заставляя лицо гореть, а сердце биться всё быстрее.

Шэнь Цинжань уже не понимал, то ли это эхо пещеры, то ли стук собственного сердца. Ему казалось, что он снова стоит прижатым к стене, слушая, как за окном бушует буря и бьются о скалы волны — это была страсть небес и земли, буйство стихии и горячей крови.

Складывалось ощущение, что брачная ночь начнется прямо здесь и сейчас.

Вот только стемнело, и есть хотелось невыносимо.

Сюэ Фэйфэн скользнул рукой под одежду Шэнь Цинжаня и нащупал его впалый живот. Разум, затуманенный желанием, слегка прояснился. Он немного отстранился:

— Давай сначала поедим.

Там еще и еда есть!

Затуманенный взгляд Шэнь Цинжання мгновенно прояснился, и он с предвкушением уставился на пищевой контейнер, который внес Сюэ Фэйфэн. Первый ярус — комплект сухой одежды.

Какой же Сюэ Фэйфэн заботливый.

Он с надеждой посмотрел на второй ярус: тряпичные туфли, красные свечи, огниво и мазь от ран.

Чан Мин оказался невероятно предусмотрительным. Опасаясь, что императрица могла пострадать при падении, он даже лекарства не забыл.

А красные свечи он сунул в корзину просто так, на всякий случай, полагая, что найти императрицу удастся лишь к ночи.

Шэнь Цинжань разочарованно прислонился к стене и одарил Сюэ Фэйфэна укоризненным взглядом.

А еда-то где?

Это больше похоже не на то, что я буду есть, а на то, что Сюэ Фэйфэн будет есть меня!

На виске Сюэ Фэйфэна вздулась венка. Он открыл неприметный третий и четвертый ярус, и голос его прозвучал с явным подтекстом:

— Всё, что ты хочешь, здесь есть.

Будь то еда или что-то еще.

Шэнь Цинжань наконец-то увидел столь желанную еду. Сюэ Фэйфэн соорудил импровизированный очаг из камней, разжег сухие ветки, найденные в пещере и не успевшие промокнуть, и поставил еду разогреваться.

— М-м-м... — Шэнь Цинжань только собирался жадно наброситься на еду, как Сюэ Фэйфэн выхватил её у него прямо из-под носа.

— Подогреем, потом поешь. — Сюэ Фэйфэн погладил живот Шэнь Цинжання. — Я помню, ты умеешь обменивать баллы на еду, да? И как ты посмел морить себя голодом!

Шэнь Цинжань уверенно и с вызовом парировал:

— Вещи из Системы слишком дорогие, мне не по карману.

Сюэ Фэйфэну оставалось лишь беспомощно вздохнуть.

Шэнь Цинжань съедал кусочек сам, затем кормил Сюэ Фэйфэна, а напоследок угощал двух маламутов, которых генерал не пускал во внутреннюю пещеру.

Когда тарелки опустели, Шэнь Цинжань сыто облизнулся:

— Это не я один всё съел, я не обжора.

Незаметно опустилась глубокая ночь. На каменной стене плясали отблески двух красных

свечей, отбрасывая длинные причудливые тени.

Брачная ночь, красные свечи, всё как полагается.

Краем глаза Шэнь Цинжань заметил, как Сюэ Фэйфэн снял насквозь промокшую одежду и повесил ее сушиться у огня.

У него пересохло во рту. Он протянул руку, взял мокрую одежду, выжал из нее целую лужу воды и, опустив глаза, выкрутил весь комплект, а затем снова повесил над огнем.

Какая неловкость. Образ заботливой и кроткой жены явно запаздывал.

Сюэ Фэйфэн, наблюдая за его неуклюжими действиями, сначала слегка улыбнулся, а затем его взгляд потемнел, наполнившись чем-то глубоким и нечитаемым.

— Жань-Жань, — голос Сюэ Фэйфэна прозвучал хрипло.

Сегодня был день их свадьбы. Церемонию можно отложить, но брачную ночь — никто не отменял.

Кончики ушей Шэнь Цинжана вспыхнули. Он вырвался из объятий Сюэ Фэйфэна, выбежал ко входу в пещеру и, глядя на редкие звезды, принялся нервно расхаживать взад-вперед, заложив руки за спину.

Было видно, что ему ужасно неловко.

«Система, — мысленно позвал Шэнь Цинжань, понизив голос, — у тебя есть презервативы?»

Условия здесь были спартанские, а для них обоих это было в первый раз. Да и с гигиеной всё было сложно.

Система: «...»

«Нет», — она в 361-й раз подчеркнула: — «Я не интернет-магазин!»

Звучит совершенно не солидно!

Она — Селекционная Станция!

Получив отказ, Шэнь Цинжань мгновенно отбросил стыд:

«Да как так-то! Почему нет?!»

Система тоже понизила голос:

«Я же говорила тебе, Отдел по борьбе с порнографией переехал в соседний офис! Если ты будешь так себя вести, меня легко могут забанить».

Шэнь Цинжань на мгновение задумался и выдал абсурдную идею:

«А Минздрав и Управление по контролю за рождаемостью? Они случайно не по соседству? Сходи к ним и одолжи! Они же часто раздают такие вещи бесплатно во время лекций по половому воспитанию».

Система:

«Как я, порядочная Селекционная Станция, могу пойти просить такое?! Не пойду».

Шэнь Цинжань:

«Ты что, дискриминируешь людей?»

«???»

«Какая разница, можем мы прорасти или нет? Разве семя, которым мы с Сюэ Фэйфэном обмениваемся, не считается "семенем"?» — принялся философствовать Шэнь Цинжань. — «Ты сама говорила, что можешь предоставить всё, что связано с селекцией».

«...»

«Всё, можешь выключаться и брать отгул на сегодня».

Сюэ Фэйфэн уже решил, что Шэнь Цинжань не хочет, и смиренно ждал. Но вдруг тот с покрасневшим лицом всунул ему в руки какую-то вещицу.

— Что это?

— Кхм... ты ведь умеешь этим пользоваться? — Шэнь Цинжань озирался по сторонам, его лицо пылало всё сильнее.

И тут до Сюэ Фэйфэна дошло.

Он искренне признался:

— Нет.

Ну это уже перебор!

Шэнь Цинжань, едва не плача, принялся объяснять. В конце концов, для обоих это было впервые.

Зеленый боб облачился в алый наряд,

Спроси у суженого: не красным ли бобом его наречь?

(Прим. пер.: красные бобы — символ тоски и любви в китайской поэзии)

Сколько ветвей распустится по весне?

Узри же тоску государя.

Желаю тебе собрать их сполна,

Пока увядший багрянец не скроет стыдливый румянец.

Проект был переведен командой Sherekili Novels

<http://bllate.org/book/17933/2131692>